

Заложничество на Кавказе в конце 90-х: исторические корни

А.В. Черкасов,

член совета Правозащитного центра «Мемориал»

•Текст доклада, подготовленного к проходившей 3-4 июля 1999 г. в г.Нальчик (Кабардино-Балкария) конференции «Проблемы похищения, заложничества, продажи людей и перспективы правозащитной деятельности». Некоторые справочные фрагменты на конференции не прозвучали.

Я выражаю огромную признательность людям, занимающимся освобождением заложников — и тем, кто выступал ранее, и тем, кто не получил слова. Сам я за всю войну лично не освободил ни одного человека и с зимы 1997 г. в Чечне не был.

Сообщения, озаглавленное таким образом, очевидно, должно описывать два источника этого явления. Во-первых, традиции заложничества на Кавказе — от войн последних веков до “домашнего рабства” 90-х. Во-вторых, советские традиции — начиная с “красного террора” до современной практики и армейских наставлений по использованию “живого щита” (вплоть до недавних демонстраций тренировок наших “миротворцев”). Это соображения, очевидные для всех (хотя многие, возможно, и станут их отрицать), поэтому мы их далее касаться не будем.

Кроме того, они слишком общи, чтобы помочь ответить на вопрос: почему с 1997 г. начался массовый захват гражданских заложников в Чечне?

Да, накануне войны захватывали заложников и в самой Чечне. Так, бывший президент Чечни Зелимхан Яндарбиев в своих мемуарах пишет, что до 1994 г. подобная практика использовалась для самофинансирования Департамента госбезопасности. А по сообщению покойной Н.Чайковой, отряд Салмана Радиева перед боями в Гудермесе и налетом на Кизляр был профинансирован за счет выкупа одного из бизнесменов, посредничавших на сделках по “восстановлению” Чечни. Но каким образом это явление приобрело столь широкий масштаб после войны?

Менее очевидно то, что события последних 10 лет на Кавказе выстраиваются в единую картину, со взаимным влиянием, с одними и теми же участниками, со схожей логикой событий. Примером может служить армяно-азербайджанский конфликт.

О заложничестве в Нагорном Карабахе подробно говорит в своем докладе Светлана Ганнушкина. Я лишь отмечу, что в 1990-1991 гг. формирования МВД СССР — ОМОН и внутренние войска — вели практику бесплатного освобождения задержанных ими армян. Как бы в ответ летом 1991 г. отряды армянского сопротивления начали захваты солдат внутренних войск. Неважно, насколько это утверждение — «в ответ» — соответствует истине — психологически оно служило достаточным обоснованием для таких действий. В конце того же года начались захваты гражданских заложников с обеих сторон. В

ходе войны, в 1992-1993 гг., брали в плен и “федеральных” (российских) солдат из 7-й армии, воевавших на карабахской стороне. Наконец, в 1992-1993 в Карабахе воевали чеченские отряды, в том числе люди Басаева.

Но главный, совершенно очевидный — но в силу очевидности упускаемый из рассмотрения — опыт самой чеченской войны 1994-1996 гг. Ниже я буду говорить только об этих «исторических корнях», и только о действиях федеральной стороны — мы, как граждане России, должны извлечь урок прежде всего из собственных ошибок. Тогда, быть может, мы сумеем избежать их повторения.

Говоря о событиях на Северном Кавказе, многие произносят слово «заговоре», имея в виду последовательную реализацию чьего-то плана. Обоснование старое — «Ищи, кому выгодно», кого найдешь — тот все это и организовал.

Может быть, я чего-то не вижу и не понимаю, но заговора я не увидел. Скорее, можно выделить три типа причин. Первое — сознательные, “политические” решения, и их последствия, которые можно было предвидеть... если бы не привычка добиваться результата любой ценой. Второе — бюрократические решения и их непредвиденные последствия. И, наконец, логика событий, непонимание которой порой приводит к трагическим последствиям. Рассмотрим некоторые значимые факторы — вне их последовательности и относительной значимости.

Первая группа обстоятельств связана с массовым задержанием в зоне конфликта гражданских лиц, которых родственники стремились (а многие стремятся до сих пор!) найти и освободить.

В зоне конфликта федеральные силы неизбирательно задерживали гражданских лиц. Сами такие задержания в условиях правовой неопределенности не имели достаточной законной основы. Их содержание проводилось в “сомнительных” или вообще незаконных местах. Легальный учет задержанных не велся вовсе или велся крайне “небрежно”. Неразбериха, неизбирательность и непрофессионализм в ходе следственных действий приводили к тому, что, хотя общее число задержанных значительно превысило объем списков “на задержание”, поставленные задачи выполнены не были. Чеченское сопротивление не было подорвано, большая часть легально задержанных были отпущены “как ни в чем не виновные”, а большинство задержанных нелегально после “форсированных вопросов” подвергнуты внесудебным казням.

В итоге небезосновательно бытовало мнение, что федеральные силы произвольно задерживают гражданских лиц.

Второе. Отдельный вопрос, находящийся вне нашего рассмотрения — причины массового захвата силами чеченского сопротивления федеральных военнослужащих, и породившее еще большее количество пропавших без вести,

также разыскивавшихся. Но мы отметим одну из особенностей поисковой работы.

Основной формой документа того времени были списки, которые быстро устаревали, но не изымались из обращения, и параллельно существовали много версий одного и того же списка, и для них было характерно многократное повторное включение информации из предыдущих версий, их дублирование и воспроизведение, а отсутствие процедуры постоянной сверки и сопоставления имеющихся сведений приводило к значительным расхождениям между списками различных ведомств.

Рассмотрим с этой точки зрения некоторые из материалов, содержащих сведения о пленных, собиравшиеся российскими спецслужбами. Добытые контрразведкой сведения о местонахождении пленнх были совершенно недостаточны для получения осязательного результата в деле их освобождения, а а “анализ” собранной информации был неудовлетворителен.

При первом прочтении “Справки о местонахождении российских военнослужащих, попавших в плен к НВФ” кажется, что Управление военной контрразведки внимательно следило за перемещением как групп, так и отдельных пленнх.

Сведения же об отдельных пленнх — даже подробные, не были “рабочим” материалом: так, майор ДМИТРИЕНКО упоминался в одной из справок 6 раз, никогда существовал: доля судьбы майора-спеуцназовца ДМИТРИЧЕНКО Вячеслава Вячеславовича смешалась с судьбами двух уральских солдат — и числившегося в первые месяцы войны пропавшим без вести. Ошибка писаря соединила их, и много месяцев после освобождения майора ДМИТРИЧЕНКО его двойник жил в отчетах контрразведки, продолжал представляться десантником, этапировался вместе с группами пленнх по всей Чечне, был почти что обменян — и каждым своим действием свидетельствовал о неустанной чекистской работе. А писарь воплотил традиции русской литературы и явил на свет нового поручика КИЖЕ. А вместо сидевшего 8 месяцев рядового КОЛЫБЕЛКИНА Павла Валентиновича в списках вплоть до освобождения значился его отец, КОЛЫБЕЛКИН Валентин Митрофанович, который, правда, почти все это время находился вместе с сыном.

Однако одни и те же пленные могли быть учтены несколько раз в разных группах, численность которых просто суммировалась. В списке на июль 1996 г. суммированием получена число: содержатся в качестве насильственно удерживаемых лиц более 950 чел, что в конце концов и дало журналистам, добввшим эту справку, употребить словосочетание “забытый полк”. Приведенные в справке списки во многом повторяют друг друга, в двух разных местах содержания одновременно находятся многие пленные, а некоторые — в трех.

Ясно, что с выводом войск из Чечни и с утратой контроля за населенными пунктами резко сократились возможности для развертывания и поддержания там агентурной сети. Однако изъян цитированных списков вовсе не в источнике информации — списки суть имитация кипучей деятельности человеком, знающим, какого отчета о результатах работы от него ждут.

Вообще, любой аналитический документ такого рода перестает быть рабочим ровно в той степени, в какой он предназначен начальству или общественности.

Между тем, в истории советских спецслужб есть положительный опыт поиска. Так, в ходе Великой Отечественной войны велся массив личных, так называемых “фильтрационных” дел на лиц, находившихся на занятой немцами территории — как на пленных, так и на офицеров противника. Можно было бы ожидать наличия подобного объемного и упорядоченного массива сведений в структурах ФСБ — если бы протоколы допросов освобожденных солдат не содержали грубые ошибки в именах собственных (топонимах, фамилиях — как заложников, так и похитителей), свидетельствующие о том, что допросы не строились на уже имеющейся системе личных дел и, скорее всего, представляли собой свободный рассказ, записанный малознакомым с предметом и не очень грамотным чиновником.

Только к концу войны сложился коллектив Группы розыска в штабе объединенной группировки и Рабочей группы Комиссии при Президенте, вкладывавшей в работу по розыску все силы — но они не могли кардинально изменить сложившуюся ситуацию.

Причина этого, безусловно, в равнодушии, в том, что искать просто не хотели. В самом начале войны Павел Грачев просто отказался от пленных! Государство просто не имеет права называться государством, а армия — армией, если они с такой легкостью жертвуют людьми. Если считать по тому, что чеченцы всеми силами старались освободить своих бойцов из плена и забрать с поля боя тела погибших, то Ичкерия государственность заслужила.

А Россия? Первые — но весьма решительные — усилия по освобождению пленных были предприняты только после того, как чеченцами захвачен был десант спецназа ГРУ из 22-й бригады. Освободили всех! “Корпоративная солидарность” в лучшем смысле этого слова сдвинула с мертвой точки (вот уж действительно мертвой!) государственную машину и запустила процесс освобождения пленных. Вышеупомянутый майор ДМИТРИЧЕНКО, об освобождении которого так хотели повторно отчитаться чекисты, был, кстати, из этой части. Еще можно вспомнить морскую пехоту, которая и тела погибших не оставляла на поле боя. Но как называть после этого остальные рода войск? И как нам всем называть себя? И как чеченцы должны были относиться к гражданам России?

Третья группа обстоятельств связана со статусом задержанных, как с одной, так и с другой стороны. Стремление федерального руководства к выводу происходящего в Чечне из-под контроля российской законодательной власти и международных структур, а для этого — из контекста национального и международного права.

Чрезвычайное положение введено не было — ведь его должно было утверждать Федеральное собрание. Тем самым, как сказано выше, не были даны легальные основания для массовых задержаний на территории Чечни, как и для других ограничений прав граждан. Квалификация происходящего как

“разоружения бандформирований”, а не конфликта — внутреннего или тем более международного — выводило события из контекста Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним. Конечно, это помогало уклоняться от признания Ичкерии как стороны, с которой возможен диалог. Но тем самым уничтожались и основания требовать соблюдения статуса плененных военнослужащих и гражданских лиц.

Захваченные чеченской стороной и насильственно удерживаемые российские военнослужащие могут рассматриваться как военнопленные, а условия их содержания — трактоваться с применением положений международного гуманитарного права лишь в случае, если происходящее в Чечне в последние два года будет признано вооруженным конфликтом — международным либо немеждународным. В последнем случае чеченская сторона в конфликте, определяемая как “повстанческая”, формально не принадлежит к числу Высоких договаривающихся сторон, ратифицировавших Женевские конвенции и Дополнительные протоколы к ним, но для нее, тем не менее, остается обязательным выполнение требований Статьи 3 (общей для всех конвенций). Эта статья защищает лиц, которые непосредственно не принимали участие в военных действиях (гражданское население), и тех из состава военнослужащих обеих сторон, кто сложил оружие или перестал принимать участие в военных действиях вследствие болезни, ранения, задержания или по любой другой причине. В их отношении всегда и всюду запрещаются:

а) посягательство на жизнь и физическую неприкосновенность, в частности всякие виды убийств, увечья, жестокое обращение, пытки и истязания;

b) взятие заложников; <...>

d) осуждение и применение наказания без предварительного судебного решения, вынесенного надлежащим образом учрежденным судом, при наличии судебных гарантий, признанных необходимыми цивилизованными нациями.

Эти положения имеют обязательный характер не только в качестве нормы международного договорного права, но и как выражение общих (неписаных) принципов права, как безусловно обязательный закон — *Jus cogens*. Однако федеральное руководство последовательно выводило происходящее в Чечне из контекста международного гуманитарного права, пытаясь представить войну как операцию по “разоружению бандформирований”, как борьбу с массовыми беспорядками и спорадическим насилием, т.е. как сугубо внутреннее дело России.

Хотя в ходе боевых действий в ноябре-декабре 1994 г. и, особенно, в январе 1995 г. чеченской стороной было пленено более 200 российских военнослужащих, федеральная сторона, во-первых, избегала самого понятия “военнопленные” (ибо это не соответствовало принятой позиции) и предпочитала термин “заложники”, а во-вторых, отказывалась от ведения каких-либо переговоров с чеченской стороной об освобождении пленных и вывозе тел погибших.

Чеченская же сторона, последовательно стремившаяся рассматривать конфликт 1994-1996 гг. как международный, поначалу начала официально признавала захваченных российских военнослужащих пленными и заявила о

принятии на себя соответствующих обязательств.

Вообще, по моему убеждению, подчеркнутое безразличие России к “своим” — и к жителям Грозного, гибнущим под бомбами в ходе “освобождения”, и к солдатам, попавшим в плен, и к рабам, которых не только освобождали, но и расстреливали — основная психологическая причина нынешнего расцвета заложничества.

Повседневное нарушение федеральными силами норм гуманитарного права, в частности — использование захваченных боевиков и гражданских лиц как заложников и живого щита делало подобные действия для чеченского сопротивления тем более морально оправданными.

Четвертая группа обстоятельств — коррупция. Коррупция на блок-постах, пропускавших машины боевиков, и занимавшихся поборами с мирного населения. Коррупция как возможность выкупа задержанного с того же блок-поста, из ямы, с фильтрапункта или даже из СИЗО.

Пятое. Массовый захват в заложники гражданских лиц начался осенью 1995 и напрямую связан с проводившимися на территории Чечни “выборами”. Формальным основанием для массовых захватов строителей из России был указ Дудаева, предписывавший до голосования покинуть Чечню лицам, не проживающим там постоянно.

И шестое. Настойчивая, в течении всей войны, квалификация происходящего как “разоружения бандформирований”, заложников у которых принято выкупать или обменивать на таких же бандитов также внесло свой вклад в формирование криминального рынка заложников.

*****

Теперь отметим основные вехи истории развития этого рынка за два года войны.

В самом начале война еще не ожесточила бойцов, а централизация групп пленных при штабах чеченских отрядов позволяла контролировать охрану и избегать эксцессов. Контраст в отношении федералов и чеченцев к российским пленным умело использовался чеченской стороной для пропагандистского воздействия на российскую общественность — через прессу и депутатов — при невозможности влиять на федеральную власть напрямую. Это только улучшало положение пленных: их регулярно демонстрировали журналистам, матерям, а некоторых освобождали в одностороннем порядке.

Во второй половине января 1995 г. начались обмены пленными российскими военнослужащими на содержащихся в фильтрационных пунктах чеченцев (всего к началу лета было обменяно около 150 человек). Так как наличие вооруженного конфликта не признавалось федеральной стороной, сам процесс обмена был нелегален, т.е. проходил вне рамок как российских законов, так и международного гуманитарного права, в контексте которого на тот момент все

еще старалась действовать чеченская сторона. Пленные последовательно объявлялись федеральной стороной заложниками бандитов, и их обменивали или выкупали именно как заложников — тем самым искусственно создавался “рынок невольников”. С появлением возможности обмена практически прекратились односторонние освобождения. Ухудшились условия содержания российских пленных (27 января 1995 г., после первого обмена, когда с фильтрапункта вернулись подвергавшиеся там пыткам и жестокому обращению чеченцы, российские пленные в СИЗО ДГБ в Шали были избиты.).

Через два года, после войны, ситуация изменилась диаметрально. После окончания боевых действий пленные содержались децентрализованно — в отрядах, селах, семьях. Происходило “перетекание” пленных из-под контроля структур ЧРИ к частным лицам. Началась торговля людьми, активизировались попытки их обмена на уголовных преступников.

В то же время, пометы на передававшихся чеченской стороной списках разыскиваемых указывали: кроме сверки с документацией фильтрапунктов (т.е. прямо поставленной задачи), списки сверялись только с картотекой ГИЦ МВД РФ. По картотеке ГИЦа в списке без вести пропавших были выявлены несколько десятков ранее судимых — как отбывших меру наказания и освобожденных до начала конфликта, так и продолжающих находиться в местах лишения свободы.

Но далее произошло нечто невозможное!

Выборка по находящимся в заключении чеченцам (также предоставленная ГИЦ: на 5 июля 1996 г. свыше 1900 человек), задержанным вне связи с конфликтом в Чечне, была передана российской стороной чеченской, вызвала вполне предсказуемую реакцию: “Нам пытаются подсунуть уголовников”. Но список пошел по рукам, и произошло единственно возможное: новые требования обмена пленных на уголовников, выставляемых родственниками заключенных, купившими себе “живой товар”.

Все эти обстоятельства в сочетании и привели к тому, что с начала 1997 г. начались массовые захваты гражданских заложников с целью получения выкупа — в Чечне, а потом и за ее пределами.